

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию Ху Цзяжуй
«Антиутопический и религиозно-мифологический дискурсы в литературе
постмодернизма», представленную на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Диссертационное исследование направлено на изучение проблемы, давно находящейся в поле внимания отечественного литературоведения.

Несомненно, мифологическую подоплеку постмодернистского текста рассматривали ряд исследователей (назовем О.Г. Осьмухину, к примеру), однако большинство работ трактуют мифологический дискурс как интертекстуальную игру и инструмент конструирования собственного – авторского мифа. Ху Цзяжуй выбирает иное направление исследования – жанровое.

Антиутопия в постмодернизме тоже изучена в достаточной степени (вспомним исследование А.Л. Бобылевой, на которое ссылается диссертант), однако при всем обилии работ по литературе постмодернизма, посвященных и выявлению авторского метода, и осмыслению в художественном тексте национальных и культурных кодов, и мн.др., до сих пор исследовательская мысль не обращалась к соединению религии, мифологии, утопии и антиутопии в ключе, представленном в труде диссертанта. Таким образом, **актуальность избранной темы** не вызывает сомнений.

Изначально означенные направления кажутся самостоятельными ветками исследования, однако автор убедительно доказывает их сплетение: «Антиутопический и религиозно-мифологический дискурсы тесно связаны друг с другом, взаимно “прорастают” один в другом. В современной дистопии элементы языческих, христианских и восточных мифов и религий играют определяющую структурную роль» (с. 8). И далее читаем в *положении 3* один из фундаментальных тезисов диссертации: «...религиозно-мифологический дискурс в литературе постмодернизма является жанрообразующим аспектом дистопии» (с. 9).

Исследователь блестяще формулирует гипотезу: «Утопия и антиутопия перестают восприниматься как диаметрально противоположные жанры, их сменяют жанровые симбиозы, различные варианты дистопий, специфика которых объясняется различием в решении конкретных художественных задач. Религия и мифология в “неклассических текстах” все больше уходят от своего “прямого” просветительского или проповеднического назначения...» (с. 8). И всем ходом последующего анализа подтверждает эту гипотезу, доказывая, что рамки жанра для современных писателей, в особенности постмодернистов, перестают быть жестким требованием, феномен жанра обретает игровую природу, становясь художественным инструментом. Жанр следует за художником, подстраиваясь под его авторский метод, а не автор творит в рамках устоявшихся представлений о жанровой системе.

Сформулированные в диссертации размышления и выводы, подкрепленные глубоким анализом художественного материала, выделяют работу среди свежих исследований постмодернизма в литературе и обуславливают **новизну**.

Целевые установки работы (определение жанровой специфики, типологии и места современной антиутопии, а также выявление методов воплощения религиозно-мифологического дискурса – с. 8) в контексте отечественной постмодернистской литературы представляются весьма **перспективными**, однако требующими скрупулезной проверки. И такую проверку автор осуществляет в ходе анализа.

Исследователь отмечает вариативность воплощения религиозного и мифологического материала в постмодернистских произведениях, что объясняет острую необходимость проведенного исследования, качественного, а не количественного подхода. Ху Цзяжуй обращается к внимательному изучению каждого отдельно взятого случая, а именно детально анализируя работы четырех наиболее репрезентативных, по мнению автора, писателей русской постмодернистской литературы.

Выбор художественных произведений весьма обоснован, очевиден и понятен: поэма «Москва-Петушки» Вен. Ерофеева стоит у истоков российского постмодернизма, а творчество В. Пелевина, Т. Толстой, Вл. Сорокина и прочих представленных в работе писателей пользуется вниманием как читательской аудитории, так и научного сообщества.

Исследование позволяет на более чем достаточном для кандидатской диссертации материале рассмотреть специфику воплощения конкретных дискурсивных практик в постмодернистском тексте. Благодаря удачно выбранной эмпирической базе соискателю удалось широкими мазками обозначить трансформацию утопии и представить особенности реализации жанра, а также сближение полюсов утопии и антиутопии в современном постмодернистском тексте.

Методология избрана в соответствии с поставленной целью: эффективным и верным представляется сочетание сравнительно-исторического и культурно-исторического методов, а также проведение структурного, интертекстуального, имманентного и контекстуального видов анализа, кроме того, автор по мере необходимости обращается и к биографическому комментарию. Анализ в основной части диссертации строго выдерживает заявленные во введении цели, задачи и методы. Комплексный подход, примененный к практическому материалу, апелляция к авторитетным источникам, скрупулезный выверенный аналитическая стратегия обуславливают **высокую достоверность** сформулированных выводов и положений.

Эвристическая логика научного поиска, осуществленная в двух главах работы, представляется верным решением для достижения поставленной цели и заслуживает всяческого одобрения. **Обозначим наиболее существенные результаты разделов.**

Разработку собственного подхода к реализации поставленных задач исследователь начинает с определения терминологической рамки исследования,

дефиницируя ключевые термины: «утопия», «антиутопия», «дистопия», «эвтопия», опираясь в том числе на обширную историческую справку, в последствии переходя к анализу художественных произведений. Помимо указанных ранее в отзыве писателей-постмодернистов, диссертант ссылается на широкий пул постмодернистских (и не только!) произведений как отечественных, так и зарубежных, позволяющих наглядно продемонстрировать разнообразие реализации утопического дискурса, а также проследить его эволюцию.

Во втором разделе соискатель делает плодотворную попытку анализа религиозно-мифологического дискурса постмодернизма.

Ценно, что Ху Цзяжуй, проводя интертекстуальный анализ, вычленяет из массива примеров наиболее значимые для решения задач аспекты и не позволяет себе отвлекаться. Несомненно, постмодернистское творчество аллюзивно, реминисценции и отсылки в силу специфики направления обнаруживаются буквально на каждой странице, при этом в рамках данного исследования выявление и описание каждого случая представляется нецелесообразным, и Ху Цзяжуй успешно избегает избыточности.

Отдельно отмечу серьезную обоснованность научных положений, касающихся концепции жанра «дистопия». Особенно удачно показано осмысление творчества В. Пелевина в таком контексте (параграфы 2.2 и 2.3). Жанровое своеобразие постмодернистской литературы с ориентацией на выявление некоторых общих абрисов представляется сложной литературоведческой задачей, и диссертанту удалось с ней справиться на достойном уровне.

Выдвинутый тезис подкреплен в достаточной степени как теоретическими выкладками отечественных и зарубежных ученых-филологов (В. Шестаков, Се Цянпин, О. Демидова, В. Чаликова, Б. Ланин, Яо Цзяньбинь и мн.др.), так и художественным материалом: к примеру, о романе «Чапаев и Пустота» соискатель пишет: «Дистопическая концепция романа обозначена уже на первых страницах романа, где описание эпизодов революции подвергается пародийной деконструкции. <...> В романе в духе постмодернистской профанации истории 1990-х гг. мы видим пьяных революционных матросов, употребляющих кокаин, “переобувшегося” в чекисты фон Эрнена, пародийную пьесу “Раскольников и Мармеладов”...» (с. 159)).

Неожиданной и заслуживающей внимания и одобрения, на наш взгляд, оказывается психологическая трактовка природы дистопии у В. Пелевина, а именно опора на теорию психиатра Т.Т. Канашникова и выявление двух видов дистопий: дегративной и прогрессивной (с. 159).

Авторский стиль изложения отличается строгостью, внутренней логикой и единообразием, сохраненным на протяжении всей работы. Все представленные в диссертации выводы **научно обоснованы**. В целом определение границ и специфики антиутопического и религиозно-мифологического дискурсов в постмодернизме представляется **оригинальным и культурологически продуктивным**.

Диссертация вносит **весомый вклад в современную теорию литературоведения**: обновляется трактовка функционирования утопии, антиутопии и дистопии в российской постмодернистской литературе, в том числе, актуализируются положения эстетической теории постмодернизма.

Полученные результаты найдут применение и в **практической деятельности** филологического сообщества, выступая в качестве материала для будущих исследований, посвященных изучению постмодернистской поэтики. Также материалы диссертации могут послужить конспективной основой лекций и практических занятий в системе вузовского филологического образования.

Новизна, достоверность, наукоемкость основных положений, выводов, сформулированных в заключении, их **методологическая и практическая значимость** не подлежат сомнению. Диссертанту удалось описать ранее непроясненную специфику воплощения антиутопии в постмодернизме.

Библиографический список насчитывает 154 источника. Ключевые теоретические работы по литературе постмодернизма, а также наиболее значимые исследования, освещающие современный взгляд на утопию и антиутопию, учтены, основные отечественные и зарубежные труды по выбранной теме отреферированы. Автор демонстрирует свободное владение теоретическим и практическим материалом.

Также отметим высокий уровень **апробации** результатов работы – и в докладах на престижных конференциях, и в статьях, опубликованных в известных филологических журналах России (всего опубликовано 10 статей). Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

При всех несомненных достоинствах работы, научной ценности и новизне, в процессе исследования, как представляется, можно было бы раскрыть более подробно и конкретизировать следующие аспекты.

1. Непроясненными остались черты позднего творчества В. Пелевина. Подводя итоги второй главы, автор заявляет, стремясь выявить общий паттерн, характерный для корпуса пелевинских текстов в целом: «Его романы и повести 1990-х годов сложно назвать антиутопиями в чистом каноническом виде. Однако можно говорить об имплицитном “антиутопизме” писателя. Он прежде всего проявляется в текстах “раннего” Пелевина, в романах 1990-х годов, но не утрачивается и у “позднего” Пелевина <...> В более поздних романах антиутопизм В. Пелевина получает свое продолжение» (с. 182, 184).

При этом утверждение оказывается подвешенным в воздухе: на с. 54 приводятся, но не анализируются романы «Смотритель» (2015) и «Лампа Мафусаила, или крайняя битва чекистов с масонами» (2016) (при этом в качестве примеров историографической и псевдоисторической прозы), а на с. 184 – роман «S.N.U.F.F» (2011), которые на данный момент, учитывая, что после 2016 года были опубликованы еще восемь книг, не представляются достаточно доказательной базой. Научных источников, подтверждающих тезис, автор также не приводит.

2. В Заключении Ху Цзяжуй приходит к выводу: «Сравнение русской постмодернистской литературы с европейской позволяет видеть, что в России

литература была в большей степени ориентирована на национальную традицию» (с. 185), однако во Введении не была поставлена такая задача, а приведенные в основной части работы примеры из зарубежных произведений сложно считать достаточным основанием для такого умозаключения, так как полноценный компаративный анализ в работе не проводился.

3. Также в Заключении соискатель, подводя итоги исследования, помимо общих выводов, отражающих специфику антиутопии в постмодернизме, генезис направления в целом, роль контекста и пр., характеризуя хронотоп, перечисляет произведения, которые подверглись тщательному исследованию в ходе изучения вопроса (В. Ерофеев «Москва – Петушки»; В. Пелевин «Чапаев и Пустота», «Generation П», «Священная книга оборотня»; Вл. Сорокин «Теллургия», «Метель» (с. 186)), но при этом не упоминается (как и во всем Заключении в целом) роман Т. Толстой «Кысь».

4. Замечу, что тема сформулирована несколько широко: ожидается обзор антиутопического и религиозно-мифологического дискурсов в литературе постмодернизма в целом, начиная с 1960-х годов и включая зарубежные произведения в том числе, тогда как автор останавливается на подробном анализе отечественных произведений, приводя зарубежный материал в качестве подспорья, следовало бы в заглавие вставить слово <в> *отечественной* (или: *русской*) <литературе>.

В оправдание Ху Цзяжуй отмечу, что при проведении подобного исследования следует учитывать, что постмодернизм как художественный метод в мировой практике достаточно вариативен, поэтому при выработке концепции несомненно важно учитывать и опыт зарубежных прозаиков. Этим, очевидно, и объясняется расширение темы в заглавии. Впрочем, с первых страниц работы диссертант демонстрирует ориентацию на отечественные произведения и проясняет свою позицию.

Выскажу одно пожелание на будущее. Автор намеренно и оправданно ограничивает эмпирическую базу религиозным и мифологическим материалом в постмодернистском тексте, что соответствует поставленным целям, однако любопытным представляется анализ включения сказочных и фольклорных аллюзий, широко представленных в творчестве постмодернистов (вспомним сон опричников о летающем огнедышащем змее (Вл. Сорокин «День опричника»), сказку о Крошечке-Хаврошечке (В. Пелевин «Священная книга оборотня») и др.), а также определение функциональной природы и места таких элементов в утопическом постмодернистском дискурсе.

Диссертация не лишена некоторых технических погрешностей, впрочем легко поправимых. «Список литературы» начинается не с новой страницы», встречаются опечатки (нарушение видовременной соотнесенности глаголов, неправильное употребление падежной формы, в работе фигурируют два варианта написания термина: «эвтопия» и «евтопия», и пр.), некоторые стилистические и логические неточности (например, во Введении указывается: «Работа вносит существенные коррективы в представление о функционировании утопии и антиутопии в российской литературе XX в.» (с. 10), при этом исследователь

